

Хотя студенты обычно общались в своих небольших группах, собрать сто человек для оценки оказалось непросто, и Цзян Цзинсин с Се Жунцзяо, которые ходили среди них, получили множество приглашений.

— Нет-нет, спасибо за ваше любезное предложение, но я действительно не подхожу для этой темы. — Цзян Цзинсин только что вежливо отказал студенту, который стоял за ним, как тут же встретил полный надежды взгляд другого студента. Он искренне объяснил:

— Писать стихи нужно с искренними чувствами, чтобы они трогали сердце, избегая пустых фантазий. То же самое касается и оценки стихов, иначе как можно определить, что хорошо, а что плохо? Посмотрите на меня — моя внешность и талант бесподобны, о чём мне грустить? Если я буду оценивать стихи бездумно, это только унизит ваше творчество.

Студент, впервые встретивший такого бесстыдного человека, застыл в изумлении, а затем, польщённый его словами, потерял всякий интерес к дальнейшим уговорам.

Цзян Цзинсин каждый раз, когда к нему подходили с предложением, использовал один и тот же аргумент, от чего у него уже пересохло во рту.

Другой стороны Се Жунцзяо справлялся с этим легче.

Он просто говорил каждому, кто хотел, чтобы он оценил стихи:

— Извините, я мало читал стихов и не могу оценить их качество.

Видимо, краткость и прямота были более убедительными, чем длинные речи, и Се Жунцзяо без труда прокладывал себе путь.

Студенты молчали.

В то время люди уделяли большое внимание внешности, и хотя они не судили о героях по их красоте, студенты предполагали, что юноша с таким прекрасным лицом, как у Се Жунцзяо, должен быть и внутренне богат.

Цуй Ху, узнав о правилах, был недоволен:

— Полчаса — это слишком мало времени, разве можно всё успеть?

— Нельзя давать им больше времени. — Ректор был непреклонен. — Иначе они начнут драться, и тогда будет массовая потасовка, которую мы не сможем остановить.

Цуй Ху задумался и не стал спорить.

Се Жунцзяо обошёл всю площадку, убедившись, что все были проверены, и, потирая больной лоб, вздохнул, подумав, что этот демонический культиватор хорошо прячется.

Он направился к Цзян Цзинсину и передал мысленно:

— Учитель, вы что-то заметили?

Одно слово разрушило все его надежды:

— Нет.

Цзян Цзинсин тоже был удивлён:

— Это странно. Я только что сделал гадание, и знак указал на то, что он рядом с нами, и что он скоро погибнет, никто не сможет его спасти. Даже если бы глава племён Восточной Пустоши или Моло из Западной Пустоши были здесь, они не смогли бы так быстро погибнуть.

Се Жунцзяо потирал виски:

— Учитель...

— Что?

— Я думал, что после стольких гаданий вы уже поняли.

— Понял что? Что я великий гадатель?

— Нет, что ваши гадания обычно не сбываются.

Из уважения к учителю Се Жунцзяо заменил «почти всегда» на «обычно».

Результаты оценки ста человек были готовы.

— «Снова перед кубком вина, не веря, что это старое вино. Луна и зелёные одежды разделяют холод и жару, цветы и ветер меняют весну и осень. Когда-то здесь ночевали с зелёными висками и красными щеками, а теперь морщинистые лица и седые волосы принадлежат гостям». — Цуй Ху прочитал половину стихотворения и без церемоний заявил:

— Это надуманно, использовать морщинистые лица и седые волосы через десятилетия для печали. Кто знает, доживёшь ли ты до этого? Может, ты будешь выглядеть так же, как и сейчас, или состаришься до неузнаваемости.

Один из учителей, друживший с Цуй Ху, попытался смягчить ситуацию:

— По тону это стихотворение написано студентом, который скоро выпускается. Сейчас как раз время выпуска, так что это уместно.

Ректор сдерживал смех:

— Давайте, Цуй Лао, посмотрите на это стихотворение, чтобы поднять настроение.

— «Копыта коня быстро стучат по цветам, как дождь, и даже пьяный кнут не может остановить их. Теперь я, как старые цветы, разбросанные ветром, почему весенний ветер наполняет дорогу?» — Цуй Ху, прочитав это, ещё больше разозлился:

— Какая претенциозная чушь! Идея, слова, образы — всё в беспорядке. Они специально выбрали это, чтобы вывести меня из себя?

Ректор неуверенно согласился:

— Да, с каждым годом всё хуже.

Тут учитель, друживший с Цуй Ху, засмеялся:

— В их возрасте о чём им грустить? О том, что их возлюбленные не отвечают на их чувства, о

том, что уроков слишком много, а учителя слишком строги, или о том, что они могут завалить экзамены? Это ваша вина, тема была неудачной.

Цуй Ху фыркнул, явно не соглашаясь.

Студенты, разбросанные по площадке, тоже не понимали.

Один из них обратился к молодому человеку с почтительным тоном:

— Согласно вашему мнению, Шэнь Шицзюнь, почему Цуй Сяньшэн выбрал такую тему? Это не похоже на его стиль.

Тема печали не подходила для Цуй Ху, который был известен своей уверенностью и мастерством меча, а скорее напоминала старых учёных Северной Чжоу, которые были разочарованы жизнью.

Студенты академии Буцзэ были гордыми и не признавали авторитетов.

Но, как и с Цуй Ху, они считали, что мнение Шэнь Шицзюня, независимо от его правильности, заслуживало уважения.

Шэнь Си мягко улыбнулся:

— Я тоже не знаю. Но, возможно, жизнь сначала учит нас печали, а потом радости.

Студенты восхищённо закивали, и пока Цуй Ху продолжал оценивать стихи, они развернули дискуссию о печали и радости.

На сцене Цуй Ху читал стихотворение Шэнь Си, и его брови немного разгладились.

Текст был написан с размахом, каждый штрих кисти был как обнажённый меч, остриё которого указывало прямо, а остальное было скрыто в ножнах, лишь намёк на меч выходил наружу. Это было похоже на учебник по фехтованию, и, судя по всему, автор был мастером меча.

*

«Если есть тёплая одежда, чтобы избежать холода,

Почему ты не можешь улыбаться?

Поздняя весна и ранняя осень так одиноки,

А цветы и луна снова уходят.

Когда в Лочане расцветут все цветы,

Весенний ветер и копыта коня будут счастливы?

Но я не смогу держать руку возлюбленной,

Звук копыт торопит путника.

Лучше бы не было ни ветра, ни луны,

Чтобы насладиться ночной прогулкой при свете свечи.

Ты не знаешь, что в жизни печали на тысячу мер.

Тысячи и десятки тысяч мер печали

Не имеют отношения к весенней грусти и осенней тоске.

Смена времён и фаз луны неизменна,

Великая река течёт через века.

Не грусти о том, что жизнь коротка, как подёнка,

Оглянись — горы и реки стареют.

Когда-то слова были драгоценны, как жемчуг,

А меч был оружием юноши.

Как же теперь я могу наполнить свои слова жалобами

И с седыми волосами ненавидеть мир?

Млечный Путь вечен, как и солнце,

И эта жизнь не закончится, пока не закончится печаль».

*

Се Жунцзяо, прочитав это, почувствовал волнение, вспомнив, как сражался с Шэнь Си и его мечом весеннего ветра.

В жизни сначала нужно узнать горе, а затем радость.

В фехтовании сначала нужно научиться сдерживать, а затем выпускать.

Шэнь Си, вероятно, так и сделал.

Его друг восхищённо сказал:

— В форме вопроса и ответа, от простого к сложному, первая половина стихотворения — это просто весенняя грусть и осенняя тоска, ничего особенного. Но вторая половина охватывает века, описывая всю горечь печали. Это настоящий Шэнь Си, какой размах!

Цуй Ху фыркнул:

— Среди карликов он выделяется.

Среди десяти тысяч студентов Шэнь Си был самым любимым учеником ректора, который лично обучал его, и ректор не мог не защитить своего ученика:

— А Си изучает меч, поэзия для него просто хобби, оно не может сравниться с вашими стандартами, Цуй Лао.

Несомненно, стихотворение Шэнь Си заняло первое место.

Цуй Ху с каменным лицом объявил результаты, его выражение явно говорило: «Вы худшее поколение, которое я когда-либо учил». Студенты, охваченные стыдом, опустили головы, как перепуганные перепела, и картина была поистине впечатляющей.

Незнающий человек мог бы подумать, что они так сильно уважают своих учителей.

Се Жунцзяо в последние дни было нелегко.

Дни без новостей о демоническом культиваторе были тяжёлыми, но ещё хуже были учителя академии.

Надеяться на то, что Цзян Цзинсин будет делать домашнее задание, было бессмысленно.

Се Жунцзяо, сохранивший в себе каплю уважения к традициям своей семьи, взял кисть и заполнил все задания, которые должен был сделать Цзян Цзинсин.

Он был очень почтителен к учителям.

Учитель, тронутый таким отношением, каждый раз, видя две одинаковые работы, вызывал Се Жунцзяо для внушения.

Цзян Цзинсин тоже был тронут и, чтобы выразить свою благодарность, взял кисть и начал писать домашнее задание, чего он никогда раньше не делал.

Но Се Жунцзяо всё равно получал выговор.

Когда Цзян Цзинсин пытался взять вину на себя, учитель обычно отвечал с сарказмом:

— Ты?

Затем сокрушённо добавлял:

— Ты вообще похож на человека, который готов списывать?

Видимо, учитель обладал острым взглядом и видел сквозь юную внешность Цзян Цзинсина его истинную сущность.

В академии было специальное место для отдыха учителей, и Се Жунцзяо стоял перед учителем, который преподавал культивацию и накопление духовной энергии, с полным спокойствием.

Когда он собирался использовать свои универсальные слова «ну», «а» и «о», чтобы отделаться, учитель с горечью сказал:

— Посмотрите на записи других студентов, их мысли и наблюдения! Даже самые ленивые подробно описывают, как энергия течёт по каналам, где ощущается затор, и как энергия движется, чтобы достичь результата. А ты? Что ты написал?

[Авторских примечаний нет]